

ЗНАНИЕ О ПРОШЛОМ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СО- ЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ¹

В статье анализируются противоречия трансформации молодежного исторического сознания в информационном обществе. С одной стороны, наблюдается известная тенденция к утрате фундаментальной роли традиции как базовой ценности молодежи и ориентации ее поведения в ситуациях социальных рисков, а с другой стороны сохраняются сильные тенденции этноцентризма и интереса к семейной истории. Показано, что трансформации в историческом сознании молодежи во многом соотносимы с изменениями функций или способов их реализации основополагающих институтов исторического сознания: семьи, государства, церкви.

Ключевые слова: историческое сознание молодежи, историческая культура, знание о прошлом, идентификация, этноцентризм.

Об авторе: Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Липецкого филиала Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ (ЛФ РАНХиГС), 398002, Липецкая область, г. Липецк, ул. Терешковой, д.17, кв.104. linchenko1@mail.ru

Среди основополагающих элементов социального знания и существующих социальных отношений всегда являлось знание о прошлом. При этом, как утверждают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, в отличие от специализированного и порождаемого наукой исторического знания, знание о прошлом есть вся совокупность представлений о прошлой социальной реальности, порождаемой всеми видами социальных субъектов и в самых разных

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ. Грант № 14-33-01237 (а2): «Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: источники, механизмы, закономерности, перспективы».

символических универсумах². Подобное, по сути, гносеологическое, определение знания о прошлом, может быть дополнено его онтологическими интерпретациями, трактующими знание о прошлом как исторический опыт, соотносительность субъектов знания о прошлом с традицией и формами памяти предыдущих поколений³. Знание о прошлом в подобном случае предстает не только как собственно историческое знание, но и как способ ориентации человека в социальном пространстве и времени. Однако насколько изменяется статус знания о прошлом в обществе знания? Насколько расширение информационного поля в эпоху общества знания способствует расширению, и что еще более важно, формированию определенной иерархии информационного пространства истории? Ответ на данные вопросы, равно как и на вопрос о согласовании различных источников знания о прошлом, конструируемых в различных символических универсумах возможен только в процессе тщательного анализа различных субъектов коммуникативной деятельности, порождающих определенное информационное пространство истории и обладающих определенным историческим сознанием. Одним из важнейших субъектов коммуникативной деятельности, равно как и субъектом исторического сознания является молодежь, которая всегда была и будет ответственна за трансляцию знания о прошлом, его актуализацию в настоящем, превращение в форму ориентации для будущего. Что представляет собой историческое сознание молодежи сегодня? Насколько изменяется оно в эпоху информационного общества? Каков статус знания о прошлом в историческом сознании современной молодежи? Насколько знание о прошлом рассматривается современной молодежью в качестве источника ориента-

² Савельева И.М., Полетаев А.В. 2005, 17.

³ См. подр.: Хаттон П. 2003; Гадамер Х.Г. 1988; Рюзен Й. 2003, 48-66.

ции на будущее и как условие преодоления его рисков? Каковы уровни восприятия прошлого в молодежном историческом сознании? Что представляют собой современные источники знания о прошлом? Каковы исторические интересы современных молодых людей? Как осуществляется сохранение и трансляция знания о прошлом в молодежной среде? Какие можно было бы выделить типы знания о прошлом в молодежной исторической культуре? Ответы на данные вопросы мы постараемся дать на основе анализа всех основных социологических и социально-психологических исследований исторического сознания молодежи, предпринятых в Европе, США и в нашей стране за последние три десятилетия. При этом избранная тема статьи заставляет нас оставить за рамками исследования вопросы трансформации и эволюции учебников по истории, школьных и книжных практиках и сконцентрировать внимание на собственно представлениях молодых людей о прошлом и его значимости в их историческом сознании.

Расширение информационного поля как пространства опыта, умножение типов знаний и способов их получения нивелирует традиционные источники социального опыта и его значимость как таковую в современном обществе. Обилие информации скорее размывает рамки понимания и вносит в социальную деятельность вариативность и, как следствие, неопределенность. В этой связи не менее важной сущностной характеристикой современного общества является понимание его как «общества риска». Данная его характеристика имеет самое непосредственное отношение к проблеме знания о прошлом и информационного пространства истории сегодня. Как известно одним из наиболее плодотворных исследователей проблематики общества риска является немецкий ученый У. Бек, который, характеризуя современную социокультурную ситуацию, отмечал тенденцию выхода рисков за рамки индивидуальной биографии и превращение его в фактор угрозы для общества в целом. Современное общество, по его мнению, характе-

ризуется количественным и качественным изменением рисков. Категории неопределенности и вероятности оказываются в подобном случае важнейшими в словаре социальной онтологии⁴. При этом, особую роль приобретает темпоральный аспект общей социальной рискогенности. Исследователь Д.А. Аникин в этой связи отмечает, что само общество риска во многом «...выступает не феноменом настоящего, а проекцией на будущее тех опасностей, которые оказываются заложены в современных социальных противоречиях»⁵. В литературе уже неоднократно отмечалось, что современное общество существенно видоизменяет статус и значения знания о прошлом как источника социальной деятельности. «Понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего»⁶. Социальный опыт, привычные способы поведения, основанные на различных типах знания о прошлом теперь не гарантируют уверенности в настоящем и будущем, что существенно усложняет социализацию и социальную деятельность, которая, как справедливо всегда указывали сторонники деятельностного подхода в отечественной психологии и философии, стремится быть целесообразной и стремится к рациональности. Вопрос старшего поколения «Что передавать?», по сути, наталкивается на вопрос грядущего поколения «Зачем передавать?». В этой связи именно молодежь и ее историческое сознание оказываются как важнейшим звеном социальных конструкций образов будущего, так и важнейшим объектом научного осмысления.

⁴ Бек У. 2000, 14

⁵ Аникин Д.А. 2011, 85.

⁶ Гидденс Э. 1994, 110.

*Историческое сознание молодежи
как объект научного осмысления*

Современные исследователи разнятся во мнениях относительно тех сущностных основ, которые позволяют говорить о молодежи как об определенной устойчивой группе. Наоборот, в литературе отмечается, что «молодежь, как социальная группа общества, имеет подвижные возрастные границы, зависящие от традиций, существующих в конкретном обществе, от уровня его социально-экономического развития, вовлеченности в общемировые процессы взаимодействия культур, условий жизни в данный исторический момент»⁷.

По мнению исследователя В.И. Чупрова необходимо говорить о двух ключевых подходах к определению понятия «молодежь». Молодежь в широком смысле – это обширная совокупность групповых общностей, образующихся на основе возрастных признаков и связанных с ними основных видов деятельности. В рамках узкого подхода к пониманию молодежи, или в социологическом смысле, молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей⁸. Возрастные границы молодежной возрастной группы варьируются в широком диапазоне. Если же говорить о специфике молодежи как субъекта социальной деятельности, то в данном случае важнейшими чертами молодежи оказывается динамизм, высокая мобильность, инновационность, зависимость от стадии и специфики процесса социализации. При этом, деятельность молодежи как социальной группы, субкультуры во временном аспекте всегда ориентирована в будущее. Все настоящее, и тем более прошедшее, рассматривается и интерпретируется молодежью в модусе будущего. Подобная специфика требует особого подхода к пониманию истори-

⁷ Бааль Н.Б. 2010, 34.

⁸ Чупров В.И. 2008, 267.

ческого сознания молодежи, поскольку все основные понятия и категории исторического сознания претерпевают известный сдвиг значений в зависимости от возрастных особенностей субъекта молодежного исторического сознания. Также отметим, что под историческим сознанием молодежи мы будем понимать совокупность представлений молодых людей о прошлом, способов интерпретации прошлого в настоящем, форм практического использования опыта прошлого для самоидентификации в настоящем и ориентации на будущее.

Надо сказать, что, несмотря на появление термина «историческое сознание» уже в 30-е годы XIX в., концепт «историческое сознание молодежи» входит в научный оборот только в начале XX в. Данный термин являлся продуктом немецкой культурной среды и, что еще более важно, вплоть до 80-х гг. XX в. исследования исторического сознания молодежи проводились преимущественно в Западной Германии.

Укажем на необходимость выделения как минимум трех этапов изучения молодежного исторического сознания на протяжении XX века: 1) исследования первой половины XX века; 2) исследования в период 1968 – 1989 гг.; 3) исследования после 1989 г.

Ориентация исключительно немецкой науки на данную проблематику было вызвано катастрофическими событиями немецкой истории в XX в. и необходимостью для новых поколений восстанавливать культурно-историческую связь со своими предшественниками. Подавляющее большинство исследований, посвященных историческому сознанию молодежи рассматривали данный феномен в контексте достаточно широкого возрастного диапазона – от 5 до 30 лет, охватывая дошкольный, школьный и студенческий период. Большинство исследований в первой половине XX в. носили преимущественно социально-психологический характер⁹, в то

⁹ См. подр.: *Düick J.* 1911, 483-493; *Sonntag K.* 1932, 176; *Freudenthal H.* 1933, 8-29.

время как во второй половине XX в. в Германии и по всему миру распространяются социологические исследования юношей и подростков. Важнейшую роль в осмыслении проблемы исторического сознания молодежи сыграло развитие особого направления педагогики в ФРГ – дидактики истории в 60-е-80-е гг. XX в., которая переориентировала методику преподавания истории в школе в русло философии исторического образования, связи исторических вопросов с потребностями настоящего и, прежде всего, в рамках политической сферы¹⁰. После 1989 года распространение получают, прежде всего, социологические исследования, важнейшей целью которых было выявление культурной специфики исторического сознания молодежи и наличия межкультурных универсальных механизмов его бытия. Для объединения исследований в Германии и Канаде были созданы научные центры изучения исторического сознания, а в 1992 году стартовал проект "Евроклио", направленный на изучения особенностей национального преподавания истории и выработки евроисторического сознания. Наиболее масштабным социологическим проектом изучения исторического сознания молодежи стал проект "Youth and History" (1995 г.) в рамках которого было проведено комплексное исследование исторического сознания молодежи во всех странах Европы (32 000 подростков)¹¹. Существенное расширение исследований исторического сознания молодежи приходится на 1990-е и 2000-е годы. В это время научными коллективами проводятся социологические и кросс-культурные исследования исторического сознания молодежи в Германии, Франции, Болгарии, СССР и России, ЮАР, Гонконге, Японии, Португалии, Греции, Канаде, Эстонии, Финляндии. Большинство исследований было направлено не только на выявление исторических знаний учащихся, но

¹⁰ См. подр.: *Bermann K., Pandel H.-J.* 1975, 324; *Schorken R.* 1972, 81-87; [Jeismann K.-E.](#) 1988, 1-26.

¹¹ *Angvik, M., & von Borries, B.* 1997.

и ценностного и практического аспектов использования истории в повседневной жизни, этноцентризма в историческом сознании молодежи указанных стран, проблем соотношения исторической и моральной оценки. Объем данных, полученных в результате указанных исследований, вполне позволяет нам рассматривать их как ценные источники в контексте решения нашей исследовательской задачи и, более того, может выступать источником для дальнейших попыток социально-философского осмысления исторического сознания молодежи в современном обществе.

*Институты исторического сознания
в эпоху информационного общества*

Несмотря на то, что молодежь представляет собой крайне специфическую группу, в которой возрастные особенности определяют особенности и способ деятельности и, в том числе, познавательной и ценностной деятельности по отношению к прошлому, имеет смысл предварить анализ исторического сознания молодежи кратким обращением к особенностям трансформации институтов исторического сознания в современном мире. Это связано с тем, что молодежь как субъект исторического сознания, несмотря на всю ее специфику, всегда находится в поле действия институтов памяти и исторического сознания. В этой связи уместен вопрос о том, насколько глубокими оказываются трансформации институтов исторического сознания и социальной памяти и можно ли говорить об их дисфункциональности в современном мире?

С позиций современной социологии социальный институт есть «определенная организация социальной деятельности и социальных отношений, осуществляемая посредством взаимосогласованной системы целесообразно ориентированных стандартов поведения, возникновение и группировка которых в систему обусловлены содержанием конкретной решаемой социальным институтом задачи»¹².

¹² Социология. 2005, 369.

Данное определение позволяет выделить два важнейших критерия понимания наличия факта трансформации социального института: трансформация функций и трансформация способов деятельности по ее выполнению. Однако о каких институтах исторического сознания вести речь? Перспективный путь анализа в подобном случае мог бы состоять в выделении и классификации «основополагающих» и «специфических» институтов исторического сознания, а также исследования их на предмет дисфункциональности.

К группе «основополагающих» институтов исторического сознания могут быть отнесены семья, государство, СМИ, церковь и институт традиции, в силу всеобщности последнего в рамках социума. В отношении семейного исторического сознания нас ожидают достаточно противоречивые тенденции. С одной стороны, изменение характера труда, увеличение экономической самостоятельности женщины, высокий уровень социальной мобильности, безусловно, ведут к разрыву семейных связей и поколений. Преодолению разрыва также не способствует приоритет в обществе знания образования и профессионализма над семейно-родовой принадлежностью. К этим факторам И.М. Савельева и А.В. Полетаев также относят рост интереса к автобиографической памяти и приоритет образования и медиа-истории над «рассказами бабушки»¹³. С другой стороны, социологические опросы последних лет не дают однозначной оценки. Так, только 29% американцев в 1977 г. интересовались семейной историей¹⁴, и лишь 5 % русских в начале 2000-х гг. черпали знания о прошлом из семейных архивов¹⁵. Вместе с тем, те же американцы в 1994 г. отдавали предпочтение изучению прошлого своей семьи¹⁶ или рассматривали свидетельства родственников в качестве более достоверных источников в срав-

¹³ Савельева И.М., Полетаев А.В. 2006, 376.

¹⁴ Савельева И.М., Полетаев А.В. 2008, 110.

¹⁵ Историческая память. 2002, 78.

¹⁶ Савельева И.М., Полетаев А.В. 2008, 158.

нении с академическими специалистами¹⁷. О знании семейной истории в рамках двух-трех поколений утверждали участники опроса 2001 г. в нашей стране¹⁸, а также опроса студентов в 1991 г.¹⁹ Впрочем, приведенные оценки как раз и показывают актуализацию семейного исторического сознания в силу его существенной трансформации. Семья, по-видимому, сохраняет свое функциональное значение, однако, способ деятельности семьи как института исторического сознания изменяется. Семейная память сегодня актуализируется, прежде всего, как среда по передаче знания о семейном прошлом (поиски генеалогических корней), а как источник социального опыта и средство преодоления рисков она утрачивает свои позиции.

Противоречивым представляется и роль государства как института исторического сознания. Практически все исследователи сходятся во мнении о существенных трудностях современного национального государства и национально-государственной модели истории. Глобализация и обратный ему процесс глокализации превращает национальную историю и государствоцентрированное историческое сознание в помеху для экономического и культурного взаимодействия²⁰. Транснациональным корпорациям скорее необходима глобальная история, а локальным этническим группам «свое» региональное прошлое. Примером последнего может служить ситуация с историческим сознанием в Квебеке, где исследователями в последние годы отмечено удивительное несовпадение «оптимистических и полных надежд» учебников истории Канады и «меланхолических тенденций» в представлениях о прошлом среди франкоговорящей квебекской молодежи, обуча-

¹⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. 2008, 111.

¹⁸ Пихоя Р.Г. 2002, 200.

¹⁹ Утенков В.М., Закалин А.С. 2000, 122.

²⁰ См. подр.: Бойцов М.А. 2006, 91-108; Устьянцев В.Б., Аникин Д.А. 2011, 58-69.

ющихся по данным учебникам. Квебек, по мнению учеников, есть жертва британской оккупации и ассимиляции²¹. Итогом исследования явилось обоснование факта активного воздействия учителей, формирующих у молодых жителей Квебека картину исторической памяти, слабо согласующейся с официальной версией учебников. И вместе с тем, нельзя говорить об однозначном кризисе государства и его функциях в формировании исторического сознания. Это связано с тем, что именно государство продолжает оказывать решающее влияние на школьное и вузовское образование, поддерживает музеи и архивы, а также выступает заказчиком многочисленных коммемораций и мемориальных законов. Поэтому и в данном случае речь должна идти о трансформации способа деятельности государства как института исторического сознания.

Гораздо сложнее обстоит дело с традицией. В данном случае можно говорить не только о трансформации способа деятельности, но и о нарушении выполнения ее функций в современном обществе. В этой связи показательно исследование Д. Лоуэнтала, в котором обосновывается двойственное отношение к традициям прошлого и прошлому как таковому. С одной стороны, повсеместно насаждается «культ прошлого», сопровождаемый взлетом интереса к социальной памяти, сохранению наследия, а с другой стороны, налицо ярко выраженный презентизм. Он пишет об изменении даже привычного слова «традиция»: «термин «традиция» теперь уже относят не столько к тому, как раньше делали дела (и потому их следует делать так же и ныне), сколько к якобы древнейшим чертам, наделяющим народ корпоративной идентичностью»²². Традиция как основание для осуществления деятельности, по его мнению, превращается в «наследие», требующее сохранения в силу ностальгических отношений к нему. Это, однако, не снижает цен-

²¹ *Létourneau J., Moisan S.* 2004, 112.

²² *Лоуэнталь Д.* 2004, 560.

ности традиции в глазах общественного мнения, что и показывают многочисленные опросы в России и США²³.

Также к группе «основополагающих» институтов исторического сознания могут быть отнесены церковь и средства массовой информации. В данном случае укажем на неравномерный характер распределения приоритетов. Если выступавшая в течение столетий важным источником формирования исторического сознания общества церковь утрачивает свои позиции, то средства массовой информации наоборот активно превращаются в один из основополагающих институтов исторического сознания. Доступные нам опросы общественного мнения и в США, и в России свидетельствуют о значительном количестве верующих людей, однако в то же время демонстрируют высокий процент невоцерковленных, а также постепенное уменьшение влияния религии и, конечно, религиозных текстов как источников исторического сознания²⁴. Наоборот, влияние СМИ неуклонно возрастает. Кинематограф, телевидение, Интернет сегодня предлагают гораздо более эстетически целостные образы прошлого, нежели образование и наука. Однако это утверждение нельзя оценивать однозначно как верное. С одной стороны, согласно опросам 1994 г., просмотр кинофильмов в США сравнялся с чтением книг и обогнал изучение истории в школе. Те же тенденции наблюдаем и в ответах российских респондентов 2001 г., где телепередачи и кинематограф практически сравнялись с учебниками²⁵. С другой стороны, в том же самом опросе 1994 г. американцы, отвечая на вопрос о доверии к различным источникам знания о прошлом, поставили кинематограф и телевидение на последнее место и высоко отметили школьные программы. Нельзя забывать также и о стимулирующем влиянии медийной истории на широкие массы населения.

²³ Савельева И.М., Полетаев А.В. 2006, 390.

²⁴ Пихоя Р.Г. 2002, 200; Савельева И.М., Полетаев А.В. 2008, 122.

²⁵ Пихоя Р.Г. 2002, 195.

«Специфические» формы исторического сознания могут быть представлены системой образования, наукой, архивами, библиотеками, музеями, мемориалами и другими памятными знаками, а также системой общественных праздников. В данном случае влияние информационного общества и рынка оказывает существенное влияние на деятельность всех указанных институтов исторического сознания. Противоречивые процессы наблюдаются в системе образования. С одной стороны, история продолжает оставаться одним из базовых предметов, в той или иной форме подлежащих изучению. С другой стороны, можно с уверенностью говорить о существенных изменениях в системе как школьного, так и вузовского исторического образования. Здесь стоит вспомнить и о хронологической безграмотности школьников, ставшей предметом многочисленных дискуссий в США, Европе и России, и о согласованной версии истории, учитывающей групповое, национальное, всемирное прошлое. Относительно высшего образования и роли в нем истории, судя по американским источникам, можно говорить, что здесь наблюдаются некоторые трудности: курсы по истории редко включаются в число обязательных курсов, необходимых для получения диплома, отсутствуют единые стандарты, элективные курсы фрагментарны. Определенным вызовом фундаментальному историческому образованию является распространение так называемых *cultural studies*. К слову отметим, что, по данным исследователей И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, в 2002 г. только 10 из 50 ведущих национальных университетов и гуманитарных колледжей США, включали в число обязательных хоть какие-нибудь курсы по истории. Однако трудности успешного функционирования системы образования как источника и способа существования исторического сознания во многом связаны и с текущими проблемами в самой исторической науке, находящейся в ситуации конфликта многочисленных методологических версий исторического познания, несогласованностью социально-гуманитарного и исторического типов научного знания.

И, вместе с тем, школьное историческое образование давно уже стало предметом пристальных дискуссий. В 1995 г. состоялось массовое социологическое исследование исторического сознания более 30000 учеников по всей Европе (Youth and History), указавшее на сохранение важной роли института образования в представлениях молодых людей. В 2001 г. К. Кёльб и Ю. Страуб провели ряд глубинных интервью с немецкими 13-14 летними учениками и обнаружили, что, несмотря на падение хронологических знаний, достаточно хорошо ориентируются в категориальной структуре понятий «время» и «история», осознают историчность, предпосылочность знания о прошлом и его интерпретируемый характер²⁶. На этом основании авторы разводят хронологическую грамотность и темпоральную компетентность. Впрочем, данное исследование все равно не снимает проблемы регионализма и агрессивного влияния медиа-среды.

Гораздо менее позитивными представляются положение таких важных институтов исторического сознания как музеи, библиотеки и архивы. В данном случае переход от книжной к электронной коммуникационной культуре, по сути, нивелирует их значение как центров распространения массового исторического знания. Кроме того, презентизм информационного общества превращает в первую очередь музеи и библиотеки как собрания бесценного национального достояния в ценные активы, подлежащие «рыночному администрированию». Традиционный музей сменяется музеем-развлечением, что естественно нивелирует получаемое в нем знание о прошлом²⁷. Вместе с тем, согласно всероссийскому опросу 2001 г., музеи и архивы как источники исторических знаний существенно уступают СМИ и кинематографу. Еще сложнее дело обстоит с коммеморациями и мемориалами. Первые в современную эпоху оказываются одним из объектов «политики памяти», формируя не-

²⁶ K^ölb C., Straub J. 2001.

²⁷ См. подр.: Данилова Н., Черных А. 2007, 133-152.

обходимый политической или экономической власти образ прошлого, а вторые по меткому замечанию П. Нора вообще трансформируются в «места изоляции воспоминаний» и, соответственно, начинают выполнять функцию забвения, ведь за пределами мемориала человек опять возвращается в привычный и спокойный ход жизни и истории. Однако всплеск политики коммемораций и увеличение расходов на мемориалы являются важным показателем стимуляции массового исторического сознания, а это значит, что они несколько иначе, но все же выполняют свою функцию.

Указанные тенденции в сфере институтов исторического сознания во многом соотносимы с нарастанием рискогенности на коммуникационном, институциональном и ценностном уровнях социальной памяти. Как отмечает Д.А. Аникин, «на коммуникационном уровне усиление рискогенных характеристик социальной памяти оказывается напрямую связано с изменением способов коммуникации, развитием глобальных информационных сетей...на фоне становления глобального проекта социальной памяти усиливается влияние локальных «мнемонических войн», связанных со стремлением отдельных политических субъектов переписать свою историю с позиций глобализма, встроить индивидуальные образы прошлого в общую картину прогресса человеческой цивилизации»²⁸. Исследователь также отмечает нарастание рискогенности и в рамках институционального аспекта социальной памяти, где национальная память вступает в конфликты с глобальным информационным пространством исторического знания. В рамках ценностного уровня рискогенность социальной памяти во многом связана с превращением памяти в источник коммерциализированных образов.

Таким образом, эпоха информационного общества характеризуется изменением статуса знания о прошлом, что естественно ведет к трансформации всех институтов

²⁸ Аникин Д.А. 2011, 114.

исторического сознания и социальной памяти. Одним из важнейших следствий данного процесса является деконструкция иерархии данных институтов и нивелирование профессионального и общественного исторического знания. Анализ показывает, что говорить о дисфункциональности институтов исторического сознания и социальной памяти в информационном обществе как обществе знания и обществе риска преждевременно. Скорее речь должна идти о существенных трансформациях способа деятельности институтов, продолжающих с разной степенью интенсивности и продуктивности выполнять функцию связи прошлого, настоящего и будущего, служить источником минимизации и преодоления социальных рисков.

*Уровни восприятия прошлого
в историческом сознании молодежи*

Обобщая зарубежные и преимущественно немецкие исследования, укажем, что к настоящему моменту утвердилась мысль о необходимости выделения уровней исторического сознания молодежи в зависимости от их возраста²⁹. Мысль эта, давно обоснованная в возрастной психологии и педагогике, получила в их работах детальное исследование. Попытки выделения данных уровней детско-юношеского исторического сознания предпринимались в немецкой литературе начиная с 30-х гг. (К. Зоннтаг), однако наиболее распространенной среди современных исследователей является классификация Х. Ноака, который, опираясь на теории развития интеллектуальных структур Ж. Пиаже, морального сознания Л. Кольберга, ступеней развития «веры» Дж. Фаулера, предложил выделять 6 ступеней исторического сознания, сопоставимых со ступенями самосознания человеком своего «Я». Историческое сознание детей и молодежи сопоставляется им с первыми тремя: 2-6, 6-12, 12-18³⁰. К этому добавим, что со-

²⁹ Pandel H.-J. 1991, 1-24; El Darwich R. 1991, 24-53; Noack Ch. 1994, 9-47.

³⁰ Noack Ch. 1994, 13-14.

временные исследователи исторического сознания молодежи в ФРГ (К. Кёльб, Ю. Штрауб) вообще предлагают говорить о различных типах исторического сознания внутри даже одной возрастной группы³¹.

Вторым аспектом выделения уровней исторического сознания стала знаменитая в ФРГ модель исторического сознания Х.Ю. Панделя, предлагающего анализировать историческое сознание детей и молодежи через семь взаимосвязанных категорий: сознание времени (вчера, сегодня, завтра), сознание действительности (реальное-воображаемое), сознание историчности (статичное-изменчивое), сознание идентичности (мы-они), политическое сознание (вверху-внизу), социально-экономическое сознание (богатый-бедный), моральное сознание (правильное-неправильное)³². Оставляя в стороне критический анализ данной модели, отметим ее популярность в среде немецких исследователей, изучающих детские и молодежные представления о прошлом.

Переходя к изложению материала, отметим, что поскольку основные источники, представленные отечественными и зарубежными исследованиями, относятся к периоду школы и ВУЗа, то и об историческом сознании молодежи мы будем говорить с точки зрения старшей школьной и, преимущественно, студенческой молодежи, хотя, безусловно данные уровни молодежного исторического сознания далеко не тождественны.

Статус прошлого в историческом сознании молодежи

Если говорить о восприятии и значении прошлого для современных молодых людей, то анализ социологических исследований в ФРГ, Португалии³³, Южной Африке³⁴, и конечно, результатов проекта Youth and History показывает преобладание в ответах молодых людей осо-

³¹ Kölb C., Straub J. 2001.

³² Pandel H.-J. 1991, 3.

³³ Barca I. 2002, 17.

³⁴ Van Beek U. 2000, 339-354; Wassermann J. 2008, 145.

знания важности модуса прошлого и осознания связности прошлого-настоящего-будущего³⁵. Однако, подобное единство результатов исследований сменяется существенными различиями, когда речь в вопросах заходила о причинах необходимости обращения к прошлому. Если в 70-е гг. опросы в США и опыт организации выставок о повседневной жизни в Третьем рейхе в 80-е – показывали высокий уровень важности обращения к прошлому как к источнику социального опыта в практической жизни³⁶, то исследования 1989 – 1992 гг., результаты проекта *Youth and History* в Европе в середине 1990-х свидетельствуют о снижении интереса к прошлому как к источнику опыта и демонстрируют тенденцию к познавательному интересу к прошлому. По мнению организатора проекта, Б. фон Борриса, прошлое – в интерпретации молодых людей – это преимущественно знание о важнейших фактах истории, и что еще более важно для нас – об истории своего государства или нации³⁷. Данная тенденция будет представлена далее преобладающей ролью этноцентризма в обращении к прошлому и к современной истории как важнейшему объекту интереса молодых людей. Сходные тенденции наблюдаются в ответах на вопросы о значимости прошлого для молодых людей в Португалии и России. Например, исследование Изабеллы Барка показало, что португальские школьники последней ступени и студенты ВУЗов продолжают понимать прошлое как совокупность неизменных фактов, добываемых историками³⁸. Социологическое исследование 2000 г. в Московском Государственном Открытом Педагогическом Университете под руководством В.М. Утенкова и А.С. Закалина выявило, что только треть студентов полагают, что знание истории помогает лучше понимать современность, и

³⁵ Angvik, M., & von Borries, B. 1995, 182-185.

³⁶ Бороздняк А.И. 2004, 174-192.

³⁷ Borries, B. von. 2000, 249.

³⁸ Barca I. 2002, 26.

лишь пятая часть видит в знании истории одно из средств воспитания подрастающего поколения. Как и в Европе, молодые люди в России видят в прошлом кладовую фактов для расширения кругозора (49%) и источник познания истории своей страны (40%)³⁹. Об этом же говорит исследование И.В. Кутыковой в Санкт-Петербурге, проводившееся в 2006/07 – 2009/10 гг., которое выявило непонимание студентами сущности традиций в контексте истории, их роли в жизни современности⁴⁰. Более позитивные тенденции наблюдаются в южно-африканских и немецких исследованиях Й. Вассермана, У. Ван Бик, К. Кёльба, Ю. Штрауба. Их опросы молодых людей и юношей 13-14 лет говорят о понимании прошлого детьми и подростками как важной составляющей деятельности в настоящем⁴¹. Столь различные результаты свидетельствуют о необходимости объяснения различий восприятия статуса прошлого в контексте различных национальных политических культур, к которым принадлежат молодые люди.

Источники знаний о прошлом

Характеризуя эволюцию роли и значения различных источников, укажем на определенное сходство между изменениями, происходящими в историческом сознании молодежи, и общим процессом трансформации таких институтов исторического сознания как традиция, государство, семья, церковь, средства массовой информации, а также конечно, музеи, коммеморации и сфера образования. Говоря о важнейших источниках исторического сознания молодежи в современный период, можно уверенно говорить о сохранении, по крайней мере, в текущей исторической ситуации сферы образования как основополагающего источника знания о прошлом.

³⁹ Утенков В.М., Закалин А.С. 2000, 119.

⁴⁰ Кутыкова И.В. 2012, 99.

⁴¹ Van Beek U. 2000, 346; Wassermann J. 2008, 143; Kölz C., Straub J. 2001.

Если переходить к сравнительному анализу исследований исторического сознания школьников и студентов сер. 1980-х-2000-х гг. в ФРГ, ЮАР, России и проекту Youth and history, то можно начать с того, что исследования Бодо фон Борриса и Й. Рюзена в 1989 – 1992 гг. выявили необходимость выделения различных культур передачи исторического опыта молодым людям и, прежде всего, культур преподавания истории в разных странах⁴². Это же подтверждается любопытным исследованием Ж. Летурно из Квебека, который показывает, что одним из важнейших источников национальной идентичности франкоговорящих канадцев продолжают оставаться учителя, передающие свою версию истории Канады и Квебека, сильно отличающуюся от версии учебников истории Канады, ориентированных на англо-канадские стандарты⁴³.

Оценивая некоторые результаты масштабного проекта Youth and History, отметим, что наибольшее доверие в сознании молодых европейцев вызывают учебники истории, далее следуют рассказы учителей и лишь затем респонденты называли исторические документы, картины, карты, музеи, пьесы, радио, ТВ – программы, исторические фильмы⁴⁴. Также был выявлен низкий уровень знания церкви и религии как источника исторического сознания в Европе. Исследование показало, что трансформации источников исторического сознания молодежи во многом идут в контексте общих процессов трансформации функций и способа деятельности важнейших институтов исторического сознания. Влияние церкви как института исторического сознания снижается, в тоже время, роль СМИ возрастает. Это же можно наблюдать и на материалах исследования Й. Вассермана в ЮАР в 2006 г., которое показало, что наибольшее доверие молодых южноафриканцев проявляется в отношении музеев и исторических мест, исторических документов и

⁴² Borries B. von. 1995, 31.

⁴³ Létourneau J., Moisan S. 2004, 109-129.

⁴⁴ Borries B. von. 2000, 247.

телевизионных программ, в то время как роль учебников истории и учителей, как и исторических фильмов не велика⁴⁵. Важная роль Интернета и телевизионных программ была зафиксирована и в исследовании 2524 респондентов в Чехии в 2011 г.⁴⁶ Подобный факт существования роста СМИ как института исторического сознания молодых людей, констатировали и отечественные исследователи. Так, озвучивая цифры исследования 2000 г. среди студентов г. Москвы, В.М. Утенков и А.С. Закалин отмечали, что 64% опрошенных в качестве основного источника назвали учебный процесс, 39 % - СМИ, а 33 % - художественную литературу⁴⁷. В определенном отношении сходными представляются результаты социологического исследования Т.П. Путятиной, охватившего 1515 респондентов в Белгородской области. Одним из ключевых выводов ее исследования стало признание сохранения основополагающего значения института образования как источника исторического знания⁴⁸. На это же указывают результаты исследования 2011 г. в Чехии, где влияние учителей было оценено молодыми респондентами как третье по значимости после исторической кинематографии и исторических мест⁴⁹.

Относительно семьи как института исторического сознания молодежи, исследование Youth and History (ЕС), как и последующие исследования Й. Вассермана (ЮАР), К. Кёльба и Ю. Штрауба (ФРГ), В.М. Утенкова и А.С. Закалина (РФ), а также масштабное исследование 2009 г., предпринятое ИС РАН в 21 субъекте РФ под руководством М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, выявили существенную роль семейного прошлого как источника знания о прошлом. Как отмечают исследователи, «в целом все возрастные когорты в той или иной степени

⁴⁵ Wassermann J. 2008, 145.

⁴⁶ Labischová D. 2012, 154-155.

⁴⁷ Утенков В.М., Закалин А.С. 2000, 120.

⁴⁸ Путятина Т.П. 2007, 14.

⁴⁹ Labischová D. 2012, 152.

проявляют идентичность с дореволюционным, сталинским и брежневскими историческими этапами страны, и все – отчужденность от 1990-х годов жизни России»⁵⁰. Социальный опыт родителей и старших родственников продолжает оставаться важным источником осознания символов национальной гордости и знания о прошлом молодых россиян, что, по мнению, исследователей, свидетельствует о «возрождении преемственности российской истории за счет ее восприятия молодым поколением по аналогии со старшим». Однако и среди российских респондентов можно отметить тенденцию к постепенной трансформации семьи от ее роли как источника социального опыта к поискам «генеалогических корней». Так, в исследовании И.В. Кутыковой была представлены цифры, свидетельствующие о возрастании роли семейной истории в ответах студентов (2006 г. – 48%, 2010 г. – 66 %). Вместе с тем, история семьи в их ответах была представлена как история рода⁵¹.

Исторические интересы

Проблема анализа исторических интересов молодых людей требует особого выделения, поскольку позволяет понять ориентации исторического сознания, особенности их ценностного отношения к истории и в определенном смысле является одним из оснований дальнейшего анализа механизмов самоидентификации молодых людей в социальном времени и пространстве. В отличие от других проблем, вопросы исторических интересов молодых людей как способ познания их исторического сознания получают свое освещение в научной литературе уже в начале прошлого века⁵².

Говоря об исторических интересах молодежи в наши дни, укажем на практически абсолютный приоритет современной истории в интересах как молодых людей в

⁵⁰ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. 2009, 33.

⁵¹ Кутыкова И.В. 2012, 97.

⁵² См. подр.: Dück J. 1911, 483-493; Sonntag K. 1932.

США, так и в Евросоюзе, ЮАР, Российской Федерации. При этом, границы современной истории охватывают период Второй мировой войны, второй по значимости период – история после 1800 г. Данная тенденция может быть объяснена наличием устойчивого интереса к периоду после 1945 г. с его непосредственной связью с современными политическими процессами.

Более того, интерес к событиям современной истории, судя по исследованиям 1980-х – 2000-х гг., только усиливается. Более того, интерес к современной истории, что естественно, сфокусирован преимущественно на истории своей страны. При этом проект Youth and History зафиксировал возрастание интереса к повседневной истории, истории страны через историю собственной семьи, к истории великих открытий⁵³. В исследовании И. Вассермана 2006 г. зафиксировано преобладание интереса в отношении эпохи апартеида и постапартеидной эры в истории ЮАР⁵⁴. Исследования в 1989/92 гг. в Германии показывают преобладание интереса немецких школьников к традиционным темам Холокоста и Третьего рейха⁵⁵. Сходные выводы можно сделать и в отношении российских подростков, 80 % которых согласно данным исследования 1991 г. и 2006 – 2008 гг. проявляют значительный интерес к истории своего Отечества⁵⁶.

В этой связи мы не можем не коснуться одной из ключевых тенденций, проявляющихся при обращении ко всем проблемам существования и трансформации молодежных знаний о прошлом – проблеме этноцентризма. Действительно, как показывают практически все исследования исторического сознания молодежи по всему миру, национальное государство и собственно нация, история своей страны остаются преимущественным объектом интереса

⁵³ Angvik, M., & von Borries, B. 1995, 71-74.

⁵⁴ Wassermann J. 2008, 147.

⁵⁵ Borries B. von. 1995, 28.

⁵⁶ Утенков В.М., Закалин А.С. 2000, 119; Кутыкова И.В. 2012, 96.

молодежи не только в отдельных странах, но и в Евросоюзе, а также в нашей стране⁵⁷.

Вторым по значимости объектом интереса может считаться история своей семьи. Это зафиксировано результатами проекта Youth and History и уже упоминавшимися ранее исследованиями 2000-х гг. в ФРГ, ЮАР, России. Генеалогия, семейная история рассматриваются молодыми людьми как важный источник знания о прошлом, который мог бы быть учтенным в процессе учебной деятельности. Об этом же говорят и данные опросов Розенцвейга и Телена в США (1998 г.)⁵⁸, Великобритании и Нидерландах (2007 г.)⁵⁹ и Финляндии (2011 г.)⁶⁰.

Сохранение и трансляция знания о прошлом в молодежной среде

Достаточно распространенной среди зарубежных (Г. Люббе, Й. Рюзен, Х.Ю. Пандель) и отечественных (М.А. Барг, Л.П. Станкевич) исследователей является мысль о том, что одним из важнейших механизмов исторического сознания вообще, и молодежного, в частности, оказывающим влияние на процессы порождения, сохранения и трансляции знания о прошлом, является идентификация. Более того, в моделях исторического сознания Х.Ю. Панделя и Й. Рюзена идентичность вообще оказывается одним из структурных компонентов исторического сознания и исторической культуры. Подобная роль механизмов идентификации и рост этноцентризма в мире не могли не способствовать существенной ориентации исследований исторического сознания молодежи как в Европе, так и по всему миру. Данная проблема заняла одно из приоритетных направлений в многочисленных исследованиях в ФРГ, которые

⁵⁷ Ковригин В.В. 2013, 49.

⁵⁸ Rosenzweig R., Thelen D. 1998, 64-66.

⁵⁹ См. подр.: Ribbens K. 2007, P.63-76.

⁶⁰ Rantala J. 2011, 499.

изначально и задумывались как кросс-культурные, а также масштабном проекте *Youth and history*.

Исследования 1989 – 1992 гг. в 9 европейских и 8 неевропейских странах, организованные Бодо фон Боррисом, выявили существенные расхождения в интерпретации молодыми людьми истории и отсутствие четкой согласованной точки зрения на единое европейское прошлое. По мнению Бодо фон Борриса, вообще необходимо говорить о трех уровнях идентификации: субнациональном, национальном и наднациональном. Субнациональный уровень был представлен религиозной принадлежностью в Индии, лингвистической идентификацией в Эстонии и этнической в ЮАР. Наднациональный уровень идентификации был представлен ответами молодых людей в России и Эстонии, которые причисляли себя к гражданам бывшего СССР и к «представителям человечества». Основная масса ответов респондентов, безусловно, находится на национальном уровне, что выражается в этно- и государственно-ориентированных оценках истории⁶¹.

Исследование показало существенные отличия в восприятии различных исторических эпох и событий мировой истории. Так, например, колониализм положительно оценивался в Великобритании как географические открытия и резко негативно в России как эксплуатация других стран. Наиболее острые противоречия наблюдались в ответах об ответственности за Вторую Мировую войну. Исследование выявило существенный регионализм в восприятии прошлого. Оказалось, что Север, Юг, Запад и Восток Европы во многом отличны в своих оценках единого европейского прошлого. Важнейшим выводом этой серии кросс-культурных исследований стало признание этноцентризма как четвертого измерения исторического сознания наряду с субъективностью восприятия истории, историческим знанием и способностью к критике исторического опыта. Также исследование выявило высокий уровень этноцентризма в посткоммунистических странах

⁶¹ *Borries B. von.* 1995, 28.

и России, что косвенно подтверждается возрастанием интереса современной российской молодежи к сталинской и брежневской эпохам как временам существования сильного государства в России.

Существенная роль регионализма и этноцентризма, которую выявил проект *Youth and History*, позволяет Бодо фон Боррису говорить о различных культурах преподавания истории. Оказалось, что моральные интерпретации истории характерны для развивающихся и бедных стран Европы на Юге и Востоке. Традиционализм более характерен для стран Северной Европы. Обсуждая результаты проекта в отношении единой европейской идентичности, немецкий исследователь отмечает, что абсолютно во всех странах Евросоюза национальная и государственная самоидентификация подростков в несколько раз превосходит их европейскую идентификацию. При этом достаточно сильные позиции евроидентичность занимает в Германии, Италии, Греции, Польше и Литве⁶².

Исследование 2000 г. под руководством В.М. Немчинова и Й. Рюзена также выявило высокий уровень идентификации со своей страной. Исследование показало, что самоидентификация российских подростков во многом основывается на привязанности к пространству и территории, в то время как их немецкие сверстники более привязаны к культурной идентификации⁶³. Все это, а также уже упоминавшееся исследование исторического сознания молодых россиян ИС РАН 2009 г. под руководством М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, показывают, что историческое сознание молодежи тесно связано с единым социальным контекстом культуры и территории проживания, продолжает оставаться вплетенным в историческое сознание предыдущих поколений.

⁶² *Borries B. von.* 2001, 182.

⁶³ *Немчинов В.М.* 2000, 602.

Типы знания о прошлом в молодежной среде

Анализ исследований показывает, что значение внеучебного контекста как источника существования различных типов знания о прошлом в историческом сознании молодежи возрастает. Это связано и с изменением статуса и роли институтов исторического сознания в современном обществе, и с глубокой взаимосвязью исторических знаний с политическими, моральными, религиозными, художественными и др. типа знания.

Характеризуя различные типы знания о прошлом, отметим противоречивость общего сравнения результатов различных исследований. В целом сегодня можно уверенно говорить о существенной роли политического, морального, художественного и отчасти религиозного знания как типов знания о прошлом. При этом, в зависимости от региона – роль соответствующего типа знаний как знания о прошлом варьируется. Западноевропейская молодежь 14-15 лет согласно исследованиям 1995 г. характеризуется низким уровнем политической вовлеченности и религиозности, в то время как в странах Восточной Европы, Ближнего Востока такие типы знания о прошлом, как моральное и религиозное знание, играют важную роль в историческом сознании молодежи⁶⁴. Возрастает влияние художественного знания как знания о прошлом, представленного, правда, в основном исторической кинематографией. Исследования 2000-х гг. в России показывают высокую степень роли политического знания как элемента молодежного знания о прошлом⁶⁵.

В этой связи продолжает оставаться дискуссионным вопрос о том, как соотносить различные типы знания о прошлом при условии их равноправия в сознании массового потребителя и, тем более, молодых людей. Можно ли уверенно вслед за Ю. Хабермасом говорить о том, что публичный процесс передачи традиций возможен на основе равноправного диалога и консенсуса между всеми участниками общества и за пределами исторической

⁶⁴ Borries B. von. 2001, 180.

⁶⁵ Кутыкова И.В. 2012, 98.

науки? На данный момент наиболее обоснованной выглядит позиция европейских (Б. фон Боррис, Ю. Штрауб, К. Кельбл) и канадских (П. Сейксас, Дж. Летурно) исследователей, уводящих данный вопрос в сферу педагогики (в Германии – дидактики истории) и философии исторического образования. По их мнению, эффективное согласование различных типов знания о прошлом должно осуществляться на основе учебного процесса, стратегии которого, однако, должны быть существенно скорректированы в сторону открытости, с одной стороны, семейной и повседневной истории, а с другой стороны – современным информационным средствам обучения.

Таким образом, сравнительный анализ основных исследований исторического сознания молодежи в России и за рубежом позволяет говорить о наличии трансформационных процессов в историческом сознании в современном обществе. Расширение информационно поля пространства знания оказало существенное влияние как на социальные формы знания о прошлом, так и явилось источником трансформации различных субъектов исторического сознания, и, прежде всего, молодежи. Вместе с тем, говорить о радикальной трансформации было бы преждевременным, поскольку, с одной стороны, наблюдается известная тенденция к утрате фундаментальной роли традиций как базовой ценности исторического сознания молодежи и ориентации их поведения в ситуациях социальных рисков, а с другой стороны, сохраняются сильные тенденции этноцентризма и интереса к семейной истории. Трансформации в историческом сознании молодежи во многом соотносимы с процессами изменения функций или способов реализации своих функций в основополагающих институтах исторического сознания: традиции, семьи, государстве, образовании, СМИ, церкви, музеях, коммеморациях. Историческое сознание молодежи, несмотря на его своеобразие, нельзя отделять от общего исторического сознания этноса или нации, поскольку, согласно исследованиям, оно продолжает сохранять стереотипы предшествующих поколений, актуализирует семейную память, ориентируется в

первую очередь на историю своей национальности и государства. Изучая особенности восприятия знания о прошлом в историческом сознании молодежи, необходимо указывать особенности возраста, который в данном виде исторического сознания играет важнейшую роль. Применительно к историческому сознанию школьной и студенческой молодежи наблюдается тенденция изменения статуса прошлого. Прошлое как социальный опыт, необходимый в процессе повседневной деятельности, трансформируется в прошлое как совокупность знаний о прошлом, необходимое, прежде всего, как элемент учебной деятельности. Несмотря на осознание связности прошлого, настоящего и будущего, исторические интересы молодых людей ориентированы на современную историю и испытывают сильное воздействие презентизма. Информационная эпоха, как эпоха общества риска, только усиливает эти присущие западной молодежи ценности. Основопологающим источником знания о прошлом продолжает оставаться учебный процесс, который, вместе с тем, должен быть расширен за счет включения других и, прежде всего, медийных источников, а также быть связан с иными типами знания о прошлом, с семейной памятью и историей повседневности. Ключевую роль в сохранении и трансляции знания о прошлом в молодежной среде играют процессы идентификации, которые, как показывает большинство исследований, сохраняют свою национальную ориентацию. Важнейшей особенностью исторического сознания молодежи, несмотря на трансформационные процессы в нем, продолжает оставаться этноцентризм и регионализм, что характерно не только для стран Ближнего Востока, ЮАР, Квебека, России, но и для европейских стран, и в форме государствоцентризма в США.

Литература

- Аникин Д.А. 2011: Топосы социальной памяти в обществе риска. Саратов.
- Бааль Н.Б. 2010: Молодежь как социальная группа // Перспективы науки. 10 (12), 34-39.

- Бек У. 2000: Общество риска. На пути к другому модерну. М.
- Бойцов М.А. 2006: Выживет ли Клио при глобализации? // Ответственные науки и современность. 1, 91-108.
- Бороздняк А.И. 2004: Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург.
- Гадамер Х.Г. 1988: Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.
- Гидденс Э. 1994: Судьба, риск и безопасность // THESIS. 5, 107-134.
- Горишков М.К., Шереги Ф.Э. 2009: Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание // Мониторинг общественного мнения 6, 5-36.
- Данилова Н., Черных А. 2007: Современный Эрмитаж, или Музей в эпоху массового общества // Неприкосновенный запас. 4, 133-152.
- Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол») // СОЦИС. 2002, 8, 76-85.
- Ковригин В.В. 2013: Формы проявления этноцентризма в содержании школьного исторического образования // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 9, 49-51.
- Кутыкова И.В. 2012: Историческое сознание студентов Санкт-Петербургского технологического института. Познание и понимание «исторического» поколением 90-х // Известия Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета). 15, 97-106.
- Лоуэнцаль Д. 2004: Прошлое – чужая страна. СПб.
- Немчинов В.М. 2000: Эмпирическое исследование исторического сознания подростков в Германии и России // Славяно-германские исследования / А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг (ред.). М., 593-605.
- Пихоя Р.Г. 2002: Историческая память населения России (материалы «круглого стола») в РАГС при Президенте РФ 20 ноября 2001 г. // Отечественная история. 3, 194-202.
- Пуяткина Т.П. 2007: Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества. Автореф...дисс. к.соц.н. М.
- Рюзен Й. 2003: Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 10, 48-66.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. 2006: Знание о прошлом: теория и история в двух томах. СПб., 2.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. 2008: Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М.

- Савельева И.М., Полетаев А.В.* 2005: Типы знания о прошлом // Феномен прошлого / И.М. Савельева, А.В. Полетаев (ред.). М., 12-67.
- Социология. Основы общей теории. Учебник для ВУЗов / Г.В. Осипов (ред.). 2005. М.
- Устьянцев В.Б., Аникин Д.А.* 2011: Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации // Философия и общество. 4, 58-69.
- Утенков В.М., Закалин А.С.* 2000: Об историческом сознании студенческой молодежи // СОЦИС. 6, 119-122.
- Хаттон П.* 2003: История как искусство памяти. СПб.
- Чупров В.И.* 2008: Молодежь // Социология молодежи: энциклопедический словарь / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров (отв. ред.). М., 267-268.
- Angvik M., & von Borries B. (Eds.).* 1997: Youth and History: A comparative European survey on historical consciousness and political attitudes among adolescents. Vol. A: Description. Hamburg.
- Barca I.* 2002: Direct observation and history: The ideas of Portuguese students and prospective teachers. New Orleans.
- Bermann K., Pandel H.-J.* 1975: Geschichte und Zukunft. Didaktische Reflexionen über veröffentlichtes Geschichtsbewusstsein. Frankfurt.
- Borries B. von.* 2001: Europe's Past, Present and Future – Perceived by European Adolescents. A Cross-Cultural Study // History for today and tomorrow. What Does Europe Mean for School History? / Joke van der Leeuw-Roord (Ed.). Hamburg, 179-204.
- Borries B. von.* 1995: Exploring the Construction of Historical Meaning: Cross-Cultural Studies of Historical Consciousness Among Adolescents // Reflections on Educational Achievement: Papers in Honour of T. Neville Postlethwaite to Mark the Occasion of his Retirement from his Chair in Comparative Education at the University of Hamburg / Wilfried Bos and Rainer H. Lehmann (Eds.). New York, 25-49.
- Borries, B. von.* 2000: Methods and Aims of Teaching History in Europe. A Report on Youth and History // Knowing, Teaching & Learning History. National and International Perspectives / Peter N. Sterns, Peter Seixas, Sam Wineburg (Eds.). N.Y., 246-260.
- Dück J.* 1911: Das historische Interesse der Schüler // Zeitschrift für pädagogische Psychologie und Jugendkunde. 12, 483-493.
- El Darwich R.* 1991: Zur Genese von Kategorien des Geschichtsbewusstseins bei Kindern Im Alter von 5 bis 14 Jahren // Geschichtsbewusstsein empirisch / Bodo von Borries (Hrsg.). Pfaffenweiler, 24-53.
- Freudenthal H.* 1933: Kind und Geschichte. Über Methoden zur Erfassung des geschichtlichen Bewußtseins // Zeitschrift für pädagog-

ische Psychologie, experimentelle Pädagogik und jugendkundliche Forschung. 34, 8-29.

Jeismann K.-E. 1988: Geschichtsbewußtsein als zentrale Kategorie der Geschichtsdidaktik // Geschichtsbewußtsein und historisch-politisches Lernen / Schneider, Gerhard (Hrsg.). Pfaffenweiler, 1-26.

Kölb C., Straub J. 2001: Historical consciousness in Youth. Theoretical and Exemplary Empirical Analyses // Forum Qualitative Sozialforschung. Vol. 2, №3. September. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-01/3-01koelblstraub-e.htm>.

Labischová D. 2012: Factors Shaping the Historical Consciousness of Pupils, Students and Teachers in Czech Schools // The New Educational Review. Vol.29, 3, 148-161.

Létourneau J., Moisan S. 2004: Young people's Assimilation of a collective Historical Memory: A Case Study of Quebecers of French-Canadian Heritage // Theorizing historical consciousness / Peter Seixas (Ed.) Toronto, 109-129.

Noack Ch. 1994: Stufen der Ich-Entwicklung und Geschichtsbewusstsein // Zur Genese historischer Denkformen. Qualitative und quantitative empirische Zugänge. / Bodo v. Borries & Hans-Jürgen Pandel (Eds.). Pfaffenweiler, 9-47.

Pandel H.-J. 1991: Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // Geschichtsbewusstsein empirisch / Bodo von Borries (Hrsg.). Pfaffenweiler, 1-24.

Rantala J. 2011: Children as consumers of historical culture in Finland // Curriculum Studies. Vol.43, 4, 493-506.

Ribbens K. 2007: A narrative that encompasses our history: Historical culture and history teaching // Beyond the Canon. History for the Twenty-first Century / M. Grever and S. Stuurman (Eds.). N.Y., 63-76.

Rosenzweig R., Thelen D. 1998: The presence of the past: popular uses of history in American life. N.Y.

Sonntag K. 1932: Das geschichtliche Bewusstsein des schülers. Erfurt.

Schorken R. 1972: Geschichtsdidaktik und Geschichtsbewusstsein // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 23, 81-87.

Van Beek U. 2000: Youth in the New South Africa: A Study of historical consciousness // Polish sociological bulletin. 3, 339-354.

Wassermann J. 2008: The historical consciousness of Afrikaner adolescents – A small scale survey // Historical consciousness – historical culture. International Society for History Didactics 2006 / 2007 Yearbook. Schwalbach, 141-157.